

С.В. Полин

ИССЛЕДОВАНИЯ СКИФСКОГО ЦАРСКОГО АЛЕКСАНДРОПОЛЬСКОГО КУРГАНА В 2009 г.

The Scythian Steppe Expedition of the IA NASU continued a research of the Scythian royal Olexandrivskiy barrow near Petrykivka village of Dnipropetrovsk Oblast. The Central tomb was opened for the second time, and its planning and size were specified. Existence of three bays in the side walls was determined, while existence of arch-like robbers' passages in virgin soil along the lengthwise walls of the catacomb was not confirmed. Rare finds by their composition in general agree with the finds from excavations in the 19th c.; however several new types of stamped plates and beads were discovered. Also, the research of traces of funeral feast near the barrow was continued. On the territory of about 300 m² in the south-western section of the barrow animal bones, several amphorae fragments, and two heaps of rocks were found. In total, about 370 amphorae and 53 amphorae stamps were found in remains of funeral feast.

Шестой год Скифская степная экспедиция Института археологии НАНУ проводит доисследование скифского царского Александропольского кургана у с. Петриковка Солонянского р-на Днепропетровской обл., раскопанного в 1852—1856 гг. В 2009 г. повторно открыта **Центральная гробница**. В целом подтверждена ее общая конструктивная схема, зафиксированная на чертежах А.Е. Люценко 1855 г., в которую внесен ряд существенных уточнений.

Была открыта большая прямоугольная входная яма размерами 5,3 × 3,8 м и глубиной 6,4 м, ориентированная по линии восток—запад. С южной стороны были устроены две продольные ступеньки. Яма расширялась ко дну до 0,8 м во все стороны, в результате чего в вертикальном разрезе она имела колоколовидную форму. Стены возле дна были прокопаны А.Е. Люценко во все стороны на 0,5 м в поисках входа в подземную камеру, о конструкции которой он не имел представления, как и все российские археологи того времени, поскольку раскопки Александропольского кургана были первыми научными раскопками скифского кургана в Северном Причерноморье.

Как и отмечено на плане 1855 г., дромос, соединявший входную яму с камерой, был действительно смещен под западную торцевую стену входной ямы. Длина его 2,6 м при ширине 1,8—2,0 м.

Наиболее интересными оказались исследования камеры. Огромная камера в форме длинной вытянутой трапеции размерами 6,2 × 3,0—5,6 м имела три большие ниши в продольных стенах. В юго-восточном углу зафиксирована ниша шириной 1,3 м, углубленная в стену на 1,2 м, в которой некогда стоял огромный котел диаметром не менее 1,0—1,1 м, унесенный грабителями. Зафиксирована ямка диаметром 0,3 м в центре дна ниши с вдавленным в глину кружком диаметром 0,25 см бронзового окисла ярко-бирюзового цвета — отпечаток ножки котла. Его наличие подтверждают и найденные кости животных, пропитанные бронзовыми окислами. В середине западной стены повторно открыта зафиксированная А.Е. Люценко «амфорная» ниша, тогда забитая слоем обломков раздавленных амфор. При размерах ниши 1,6 × 1,8 м здесь могло быть установлено 35—40 амфор. В северо-западном углу камеры находилась третья ниша размерами 1,4 × 1,4 м неизвестного назначения.

В северо-восточный угол камеры входил длинный второй дромос подзахоронения в Центральную гробницу, вырытый из восточной полы кургана, где при раскопках 1855—1856 гг. были открыты многочисленные захоронения коней. Его ширина на входе в камеру 1,4—1,5 м, дно на одном уровне с дном камеры.

Также удалось прояснить ситуацию с дуговидными грабительскими ходами в толще материка вдоль продольных стен камеры с обеих ее сторон — ходы V и VI на плане А.Е. Люценко. Эти ходы не были открыты А.Е. Люцен-

ко сверху, поскольку находятся за пределами его раскопа. Не были они пройдены и по длине из-за их необычайно малых размеров в поперечнике. Относительно хода VI вдоль западной стены можно смело утверждать, что его не было. Основанием для предположения о его наличии послужили крупные выпадения грунта в юго-западном углу камеры на высоте 0,8—2,0 м от дна камеры, а также ниша в северо-западном углу камеры. Выемка в юго-восточном углу завершается тупиком не более чем в 1,0 м от начала и не соединялась с нишей в северо-западном углу.

Несколько иная ситуация с ходом V, изображенным А.Е. Люценко в виде дуги, проходящей в толще материка вдоль продольной восточной стены камеры. В юго-восточном углу камеры, выше ниши для котла, в стене на высоте 1,0—1,8 м от дна камеры зафиксированы два хода или, скорее, норы диаметром не более 0,6 м. Одна из них завершалась тупиком в 0,7 м от начала, а вторая, направленная резко на восток—юго-восток, прослежена с помощью шупа на длину до 1,0 м. То есть, она направлена в иную сторону, нежели обозначенный на плане ход V. Так же и со стороны дромоса подзахоронения: в 1,0 м от камеры в южной стене дромоса имелось большое округлое расширение шириной 1,6 м и глубиной 1,4 м, где частично помещалось захоронение слуги-охранника. В его южной стене на высоте 0,5 м от дна имеется ход, который мы прокопали на длину 1,5 м и проследили далее шупом еще на 0,8 м в юго-восточном направлении. Где-то здесь в самом начале хода А.Е. Люценко нашел нижнюю часть амфоры с куском обгоревшей тряпки, по его мнению, служившей светильником при ограблении Центральной гробницы. Возможно, этот ход и соединяется с отростком, прослеженным нами в юго-восточном углу камеры, но, учитывая отклонение последнего к востоку—юго-востоку, планировка хода в целом должна быть отличной от предполагаемой А.Е. Люценко. В современном состоянии диаметр хода 0,5 м. Если учесть, что для выявления границ хода нам пришлось его чуть расширить и, по видимому, то же случилось и при раскопках А.Е. Люценко, то можно утверждать, что его первоначальный диаметр был где-то на 15—20 см меньше и не превышал 0,3—0,4 м. Возникает вопрос, мог ли такой ход быть вырыт и использован человеком или он все-таки был норой. Скорее, это нора, о чем свидетельствует и отсутствие находок в ее заполнении.

Отмеченный А.Е. Люценко подъем дна камеры от входа к дальней торцевой стене на 1,0 аршин подтвердился. Известно, что такой прием нередко применялся в камерах больших скифских катакомб, хотя о его назначении можно только гадать — дренаж?

В заполнении котлована на разной глубине и в разных местах встречены несколько одиночных камней кристаллических пород, по-видимому, остатки забутовки входной ямы дикарным камнем, вынутым при раскопках А.Е. Люценко. Отдельные из них достигали 1,0 м в поперечнике. Повсеместно и часто встречались мелкие обломки зеленого сланца.

В процессе раскопок Центральной гробницы обнаружено около 60 золотых штампованных бляшек, бусин и пронизей разных типов (в том числе два—три неизвестных по раскопкам 1855—1856 гг.), плакированных панцирных пластинок, десятков железных гвоздей, множество мельчайших обломков тонкой листовой бронзы, два обломка бронзовых наконечников стрел, до 50 фрагментов амфор пяти/шести типов (тех же, что обнаружены в окологурганной тризне), венчик чернолакового сосуда (знаменитой пиксиды?), три человеческих косточки и с полсотни костей животных.

В целом технику раскопок Александропольского кургана А.Е. Люценко необходимо характеризовать как необычайно тщательную, предельно вдумчивую и последовательную, весьма выгодно отличающуюся от практики большинства российских археологов XIX в. Он единственный применил на раскопках кургана просеивание грунта из гробниц на ситах для извлечения мелких находок, едва различимых в глиняном грунте. Абсолютно прав был М.И. Ростовцев, оценивший раскопки Александропольского кургана как образцовые.

При исследовании Центральной гробницы мы столкнулись с несколько необычным явлением. Гробница, исследованная в 1855 г., сохранилась в открытом виде и в период дальнейших раскопок кургана в 1855—1856 гг. использовалась в качестве стойла для скота, для чего со стороны входной ямы был насыпан наклонный пандус, плавно опускавшийся в камеру, где и помещалось стойло. Стенки котлована по всему периметру были обмазаны слоем навоза, своеобразной изоляцией, препятствовавшей их высыханию, растрескиванию и последующему обвалу. На дне камеры слой навоза толщиной до 1,0 м, вместе со слежавшейся необычайно плотной соломой подстилки, прекрасно сохранился практически в первозданном виде. На

рисунке К.Р. Бегичева 1856 г. возле котлована Центральной гробницы вдоль его северной торцевой стены видна высокая стена высотой около 2,0 м — специально оставленный нераскопанный фрагмент насыпи кургана, закрывавший яму от северных ветров. По-видимому, это было реальным решением проблемы надежного хранения свежего мяса для питания экспедиции в достаточно непростых условиях малоосвоенных степей того времени.

На этом исследования подземных сооружений Александропольского кургана прекращены. Их продолжение не представляется возможным из-за того, что после раскопок 1856 г. они, за исключением Центральной гробницы, были оставлены открытыми и на протяжении почти 100 лет использовались крестьянами для захоронения трупов животных, умерших от сапа, ящура, а в годы войны — и сибирской язвы.

В 2009 г. также были продолжены раскопки **околокурганной тризны** в юго-западном секторе за пределами рва. Была заложена траншея 17 (между траншеями 15 2007 г. и 18 2008 г.) площадью до 300 м². В траншее 15 отмечен слой амфор в ее северной половине, в районе погребения 4, и отсутствие их далее на юг, хотя кости животных встречались по всей площади раскопа. Также зафиксировано большое количество мелких обломков камней в южной части. В траншее 18 обнаружено два погребения, кости живот-

ных и два незначительных скопления фрагментов амфор, не связанных с погребениями. Материалы, полученные в траншее 17 2009 г., подтвердили эту тенденцию — распространение костей животных по всей площади тризны и всего около 50 разрозненных фрагментов амфор. Тем не менее, среди них есть фрагменты двух английских клейм Гераклеи Понтийской. Таким образом, общее число клейм в тризне Александропольского кургана, обнаруженных в 2004—2009 гг., достигло 53 экз., а количество амфор — не менее 370. Также обнаружены две кучи дикарного камня, сложенные на уровне древнего горизонта. Значительное количество мелких обломков камней в соседней траншее 15 2007 г. указывает, что здесь складировали привезенный издалека камень, большая часть которого была употреблена на строительство крепиды. Оставшиеся неиспользованными кучи камней частично были засыпаны валом, частично выступали на его поверхности. По-видимому, таких куч камней было несколько в разных местах, что и послужило основанием для загадочной фразы, прозвучавшей в докладе Л.А. Перовского на Высочайшее имя, с подачи А.В. Терещенко: Александропольский курган «*обнесен валом, насыпанном на камне*». В целом можно считать, что исследования околокурганной тризны Александропольского кургана в основном завершены.

